© 1994 г., ЭО, № 2

Н. Р. Гусева

ТАКАЯ РАЗНООБРАЗНАЯ ИНДИЯ
(Полевые материалы)

Во время своей поездки в страну изучения этнограф ведет полевую работу непрерывно — в поезде и автобусе, изучая пассажиров и одновременно записывая все, что видит за окнами, в самолете, рассматривая сверху деревни и фиксируя по мере перелета из одной области в другую изменения в размерах и планировке поселений, полей и плантаций, цвет почв, наличие водных резервуаров, шоссейных и железнодорожных линий, лесных зарослей и всего того, что только можно разглядеть с неба (когда нет муссонов). Пристальное наблюдение продолжается и на званых обедах, когда можно зафиксировать в памяти выходные национальные костюмы и традиционные украшения, а также выведать у женщин рецепты изготовления подаваемых блюд и запомнить приемы убранства стола. На улицах же городов и в деревнях открывается целый мир — одежда, обувь, как носят детей на руках, а равно и как носят пакеты, виды транспорта и способы пользования им, оформление фасадов жилых домов, уровень санитарии улиц и т. п. А магазины (особенно места продажи народных ремесленных изделий) и рынки являются непрерывно бьющими источниками богатейшей информации, равно как и храмы или молитвенные дома, где знакомишься и с изображениями божеств, и с проведением ритуальных и обрядовых действий, и с обликом и поведением молящихся, и с церемониями жертвоприношения.

Фотографии и зарисовки фиксируют все наблюдаемое и служат этнографу ценнейшими подтверждениями.

Поэтому важность полевых дневниковых записей нельзя переоценить — они всегда необходимы, и каждый специалист, попавший в страну изучения, поневоле забывает об отдыхе и личных интересах, неустанно собирая материал, который должен лечь в бесценный фонд сведений, накопленных наукой за многие годы, предшествовавшие его поездке.

Февраль 1980. Калькутта. Храм Кали

Калькутта. Ведущей формой веропочитания в среде бенгальских индусов является поклонение Шакти — женской энергии божества, т. е. по сути дела, Богине-Матери, супруге бога Шивы, в двух ее ипостасях: Черной матери — Кали и Белой Матери — Дурге.

Храм Кали, главный в городе, стоит на берегу р. Хугли. Берег со сбегающими к воде ступенями, площадками для священных омовений, для совершения поминальных церемоний и шмашанами — местами для сожжения тел усопших — известен как Калигхат. Сюда стекаются ежедневно тысячи людей, а в дни праздников Кали — многие сотни тысяч. И вокруг храма, и над рекой множество ларьков, где торгуют скульптурными, или сделанными из папье-маше, или нарисованными на бумаге, ткани и стекле изображениями Кали и Шивы.

На улицах квартала вокруг храма можно увидеть мастерские прославленных местных художников — «читракаров». Их осталось уже очень немного, но в XIX и в первой половине XX в. их искусство пользовалось большой популярностью. И

Рис. 1. Бенгальский лубок с Кали-гхата

в Индии, и в других странах известен лубок Калигхата: картинки на бумаге, изображающие не только сюжеты, связанные с Кали, но и разные бытовые сценки, например, семью раздобревшего ростовщика, прелюбодеяние неверной жены, заседание суда-«ангрези» (т. е. англичан), красавицу перед зеркалом и т. п. Хотя спрос на такие лубки упал, этот стиль изучают в индийских школах живописи, и они представлены во многих музеях. На Западе известны и искусствоведы, описывающие бенгальский лубок.

Здесь продают много больших и маленьких масок и фигурок Кали с ярко разрисованными головными уборами, черных, с огромными глазами и красным высунутым языком. Этот язык — знак непрекращающейся жажды крови, которую верующие стараются удовлетворить, смазывая его или кровью жертвенных животных, или ее условной заменой — раствором красного порошка — синдура. Такие маски охотно приобретают туристы, так что спрос на них заметно растет по мере развития связей Индии с другими странами. Приверженцы же богини приносят их в свои дома и ставят на домашние алтари среди изображений других божеств индуизма.

В храмовом комплексе главная фигура Кали помещается в небольшой отдельной часовне без окон — свет падает на богиню только из зарешеченной двери. Молятся ей, стоя во дворе. В других молитвенных помещениях тоже есть изображения Кали, и перед ними главным образом и проводятся моления. Во дворе — несколько мест для забоя жертвенных животных.

На столбах горизонтально укреплена дощатая плашка с выемкой наверху для шеи животного. Приносящие жертву подводят черного козленка или ягненка,

Рис. 2. Ремесленные изделия. Слева богиня Кали — исполняет танец победы; справа — маски божеств (в центре — «комплект Джаганнатха»)

помощник жреца проталкивает голову жертвы через выемку, а жрец быстрым ударом серповидного тяжелого ножа отсекает ее. Глубоко взрыхленная земля под этим своеобразным «эшафотом» впитывает кровь. Разделка туши производится на отдельных помостах. Голову, печень и сердце отдают жрецам храма, а мясо уносят с собой, чтобы приготовить дома еду. Жертвуют ради исполнения какой-либо мольбы, или в знак признательности богине за исполненную просьбу, или же по обету. Богатые люди или группы молящихся вскладчину покупают даже буйвола для принесения жертвы богине. Чаще всего жертвуют черных петухов, которым отрубают головы на невысоких помостах. Петухов приносят в жертву повсеместно — и в храмах Кали, и у ее алтарей на улицах, и в рощах, и т. д. Поскольку в индуизме нет запрета на употребление в пищу мяса птицы, козлятины, баранины и буйволятины, то именно этими жертвоприношениями достигаются две цели — умилостивление богини и мясная пища для семьи.

Храмовое служение Кали называется Кали-пуджа. В дни ее особо торжественных праздников проводится большая пуджа, а ежедневно идут малые пуджи. Определенных часов их проведения нет — группа жрецов поочередно занята ими по мере прихода жертвователей.

При больших храмах существуют многочисленные корпорации жрецов, между которыми строго распределены обязанности. Все жрецы высоко почитаемы, хотя большинство членов таких корпораций здесь принадлежит к средним и низким кастам. Из числа же местных «высоких» брахманов бывают, как правило, исполнители священных ведических гимнов.

Март 1980. Поездка из Калькутты в Банкуру

Улицы Калькутты переполнены транспортом. Город перенаселен. К нижним этажам жилых домов на боковых улицах прилеплены конуры городских бедняков

Рис. 3. Тяжек труд рикши-«бегунка» (Калькутта)

и сезонных отходников-крестьян. Конуры из обломков фанеры, жести и рваных соломенных циновок. Спят и внутри и снаружи (тоже на циновках). Возле каждой конуры глиняный или сложенный из нескольких кирпичей очаг. Чаще всего это три стенки высотой в 35—40 см, с четвертой стороны подкладывается топливо. Сосуды — из латуни (у каждой такой семьи не больше двух) или обожженной глины (что чаще). Их ставят на эти очаги, а топливо — коровьи кизяки. Коровы бродят повсюду, голодные и тощие. Они священны. К дням праздников на их лбы наносят красным синдуром или желтым порошком куркумы священные знаки, перевивают им рога гирляндами ноготков, украшают их лентами и бусами.

Каждое утро, начиная с предрассветных часов, дети бедняков бегут на сбор коровьих лепешек, унося их в плоских корзинах на головах. Иногда дерутся из-за этой добычи.

Выезжаем в 3 часа ночи, чтобы до восхода солнца покрыть часть пути. Едем в городок Банкуру, центр области, прославившейся изготовлением терракотовых фигурок. Минуем окраинные улицы, где на протяжении сотен метров (если не нескольких километров) на земле и асфальте спят бездомные, подложив под себя циновку и прикрывшись куском ткани. А часто и циновки нет, так как свою некуда девать на день (когда надо идти на работу или искать ее), а взять у владельцев циновок напрокат, хоть и за гроши, обычно не бывает денег. Поэтому подстилают часть того же куска ткани. Такой кусок всегда при себе — или, сложенный, висит через плечо, или накинут, как шаль, на плечи, или им обернуты бедра. Когда прохладно — он греет, а когда жарко — его углом вытирают пот или же обтирают тело, ополоснувшись в реке, канале или под уличной колонкой.

Шоссе, как и всюду в Индии, в прекрасном состоянии. Перед въездом в каждое поселение на асфальте приподнятый поперечный валик, чтобы водители притормаживали и осторожно ехали по поселку, не давя ни людей, ни скот. В деревнях, вблизи шоссе, часто видны глиняные, побеленные и раскрашенные фигуры «героев», державших на плече дубину или меч. Это охранители поселений, изображения персонажей мифов и эпоса. Их изготовляют местные мастера: сначала металлическую стержневую основу плотно обматывают и обвязывают соломой, а затем эту соломенную фигуру обмазывают глиной. Прокаливают на солнце и раскрашивают (мне не удалось выяснить до или после прокаливания).

Рис. 4. Глиняная фигура «охранителя» бенгальской деревни

Стены домов в деревнях саманные или плетневые с глиняной обмазкой. Чаще всего дома квадратные в плане. Крыши в два-три «этажа» — каждый верхний меньше нижнего, а между ними открытое пространство: они нависают один над другим, опираясь на столбы внутри дома и на угловые столбы стен. Нижние «этажи» крыш состоят из четырех скатов и не соединены наверху, у верхнего ската смыкаются, опираясь на конек. Углы крыш свисают — стиль такой конструкции известен как «бангла» (отсюда название «бунгало»), т. е. «бенгальский». Он встречается по всему северу Индии, но чаще всего в штате Раджастхан, на западе. Здесь стали делать крыши — «бангла» над декоративными беседками (небольшими беседками с такими крышами на колонках украшены дворцы по углам, городские ворота и другие сооружения) и над балконами. И если бенгальские крыши деревенских домов крыты соломой, то в Раджастхане это могут быть черепичные или даже металлические крыши, иногда с позолотой.

На пути в Банкуру расположен храм бога Кришны. По своей архитектуре он отличается от повсеместно распространенных сакральных строений индуизма, для которых, по древним трактатам о строительном искусстве, обязательны высокие крыши, четырехгранные, пирамидообразные, со слегка выпуклыми или плоскими сторонами, украшенными рельефами или скульптурами. И к тому же, как правило, они построены из каменных блоков. Этот храм, как и многие

Рис. 5. Так из века в век ремонтируют храмы

Рис. 6. Бенгальские фигурки из глины: музыкант и танцор

бенгальские храмы, выстроен из красного кирпича. Он прямоуголен в плане, приземист, со ступенчатой крышей-пирамидой. Стены охватывает полоса облицовки терракотовыми плитками размером 20 × 20 см. На каждой рельефные детально проработанные фигуры — изображения сцен из мифов о Кришне и о девяти других воплощениях бога Вишну. Изображения на горизонтальных полосах фриза серийно связаны последовательностью событий сюжета.

Впервые здесь мне удалось наблюдать необычную технику изготовления терракоты: готовя замену растрескавшихся или выпавших плиток, мастер

распиливает на пластинки тонкой пилой обожженный кирпич требуемого размера и чеканами осторожно и точно выбивает на пластинках копию поврежденного изображения, затем оно полируется тонкими абразивами и вставляется на пустующее место.

Вблизи храма богадельня для коров — «потомков стад Кришны». Сюда привозят ослабевших от болезней или старости бродячих (а вероятно, и домашних) коров, и здесь они доживают свой век. Сюда поступают взносы от верующих. И на эти деньги служители должны кормить дряхлых коров. Случайный собеседник сказал, что поступающие сюда деньги обычно используются служителями для своих нужд, а коровам дано право «спокойно умирать в святом месте». Проверить это не удалось. Над воротами цветной рельеф — белая корова с теленком (это знак партии Национальный Конгресс).

В Банкуре множество ремесленных мастерских, чаще всего принадлежащих одной семье, но есть и кооперативные и небольшие фабрички, где изготовляют глиняные (обожженные и необожженные) и терракотовые фигурки. Глиняные часто лепят вручную и не окрашивают, терракотовые же изготовляют по частям, особенно крупные, и для выработки отдельных частей используют гончарный круг. Они отличаются окраской одного тона — охристой, красно-оранжевой или черной. На первом месте в числе терракотовых фигурок стоят лошади. Эти бенгальские изделия, неповторимые по своему своеобразному стилю, широко известны не только в Индии, но и за ее пределами,— небольших лошадок раскупают туристы в сбытовых магазинах «эмпориумах».

В Бенгале и прилегающих областях сохраняется обычай приносить глиняных лошадок в жертву духам леса. Тот, кто идет в джунгли на охоту, на сбор ягод, растений или «лака» с лакового дерева (из такого сгущенного «лака», который оставляют на дереве насекомые, питающиеся его соком, изготовляют браслеты, кулоны и другие украшения), оставляет лошадку на опушке, моля защитить от хищных животных и ядовитых змей. Обычно для этой цели приобретают грубо сделанные небольшие фигурки, но в Банкуре вырабатывают лошадок и больше 1—1,5 м в высоту, тщательно отделывая каждую деталь.

Их корпус, голова, уши и хвост лепятся вручную, но длинные ноги и высокая шея вырабатываются на гончарном круге. Ноги полные, округлые, сужающиеся книзу, а шея бывает и прямой и выгнутой и сужается кверху. Уши длинные, заостренные. Морда длинная с широкими ноздрями. Все детали скрепляются глиняным раствором, уши и хвост (всегда небольшой и приподнятый) вставляются в оставленные отверстия. Фигурки покрывают красителем, или, что чаще, подмешивают краску в глиняную массу. А затем обжигают в глиняных или кирпичных печах.

На круге часто отделывают и ноги других фигурок, даже тигров. Фигурки украшают при лепке орнаментом из насечек. Изготовляют изображения самых разных животных, включая даже ящериц-гекконов, бегающих в Индии по внешним и внутренним стенам всех помещений.

Март 1980. Калькутта. Беседы о боге Кришне

Культ богинь-матерей восходит к древнейшим доарийским верованиям. Арийские культы почитания богов-мужчин проникли в восточные области субконтинента только в эпоху средневековья. Поклонение бога Вишну стало здесь распространяться лишь с XIII в. и известно главным образом в форме поклонения одному из его воплощений — «аватар» черноликому Кришне, который был, что можно утверждать с полным основанием, почитаем населением страны до появления арьев. Этот культ был воспринят индуизмом в процессе освоения арьями местной культуры и складывания новых этнических общностей — индоарьев. Политеистический пантеон индуизма формировался путем слияния культов Вед с местными, такими, как культы богинь-матерей, а также богов Шивы, Кришны и других объектов богопочитания.

Доарийское имя Кришны не установлено наукой, а слово «кришна, крушна» на санскрите означает «черный, темный». И совершенно очевидно, именно в процессе адаптации местных культов и одновременного признания арьями права автохтонных жрецов на отправление религиозных обрядов, связанных с локальными божествами, эти жрецы были частично причислены к высокой варне (сословию) брахманов нового складывающегося общества. А будучи причисленными, были и обучены Ведам.

Брахманских каст в этой варне в Бенгале много. Они подразделяются по своему положению внутри варны: самыми высокими считаются потомки тех, что раньше других усвоил тексты и ритуалы Вед и стали адептами ведийского вероучения, более «низкими» — те, что сохраняли частичную или полную приверженность традиционным культам. Заметим, что для многих из них характерны австролоидные черты внешности — курчавые или волнистые волосы, прогнатизм, темнокожесть. Этими чертами, проявляющимися с разной степенью очевидности, отличается подавляющее большинство бенгальцев в отличие от жителей северо-западных областей, где процесс смешения с арьями начался уже во II тыс. до н. э. и, значит, длился гораздо дольше.

Гимны многим доарийским божествам исполняются здесь не по текстам Вед, а по более поздним источникам — по мифожитийным преданиям, эпическим поэмам и былинным сказаниям — пуранам, причем часто не на санскрите, а на бенгальском языке или древнем местном пракрите-магахи.

Культы доарийских божеств во многом связаны с оргиастическими ритуалами, и в том числе с сохраняющейся вплоть до нашего времени именно в среде бенгальцев формой индуизма, известной как тантризм. Это практика почитания божеств «круга Шивы», и прежде всего — богинь-матерей, основанная на возбуждении и удовлетворении плотских запросов, чему придается большое значение и приписывается сила магического воздействия на явления природы, на успешность хозяйственной деятельности человека и на прирост людских коллективов и стад домашнего скота. Оргиастические ритуалы были свойственны и сложившейся здесь в древности той ветви буддизма, который именуется тантрическим.

Культ Кришны тоже был явно связан с тантрической практикой, что выявляется в целом ряде сочетаемых с ним ритуальных предписаний, религиозно-эротической литературе и с хранимым в душах всех его почитательниц чувстве влюбленности в Кришну-жениха, дарителя высшего предела сексуального удовлетворения. Кришнаизм как ветвь вишнуизма — религии милосердия и добра — не мог включать в себя кровавых жертвоприношений. В Бенгале (как и в науке Запада) многие историки и религиеведы считают, что арьи продвигались к востоку именно под знаменами вишнуизма, опираясь на «умное утверждение» о том, что широко почитаемый местным населением Кришна является якобы одним из воплощений арийского бога Вишну (как, кстати, и живший в восточной части Гангской равнины Будда).

Бенгальский поэт Джаядева (XII в.), воспевший кришнаизм как форму вишнуизма, посвятил свою поэму «Гитаговинда» (создав ее на санскрите) эротическим проявлениям Кришны и даже сделал главным объектом прославления не этого бога, а его возлюбленную, пастушку Радху, т. е. его Шакти. Эту поэму знают (или знают о ней) все бенгальцы.

Беседы с бенгальцами о Чайтанье — местном религиозном наставнике и основателе той ветви кришнаизма, где ярко отражено его эротическое содержание, позволили понять суть религиозных ритуалов, шире всего распространенных именно в среде бенгальцев. Чайтанья, который здесь обожествлен, жил и проповедовал в конце XV — начале XVI в., призывая людей направлять свои религиозные запросы и устремления не на приверженность точному следованию ведическим гимнам, а на практику любви к Кришне. Это выражалось также и в том, что он проводил любовные игры со своими учениками, исполняя роль Кришны, а ученики — роли его возлюбленных — пастушек (точнее, молочниц, девушек из среды скотоводов) — «гопи». Его почитатели считают его вопло-

щением в человеческом образе слившихся воедино Кришны и любимой им пастушки Радхи.

Последователей Чайтаньи здесь очень много. В литературе по истории индуизма (особенно в исследованиях наших историков) он расценивается как один из вождей средневекового антифеодального движения бхакти, охватившего средние и, главным образом, низшие касты и использовавшего религиозные мотивы кришнаизма для идеологического выражения своих социальных протестов, своих классовых (сословных) целей. Но из многих бесед с бенгальцами, как брахманами, так и небрахманами, как с представителями интеллигенции, так и со жрецами невысокого положения, торговцами и другими членами общества, в том числе с женщинами средних слоев населения, не имеющими в своем большинстве образования, напрашивается вывод, что не только сословно-классовая борьба объединяла здесь многих людей в движении бхакти, но и антиарийские, т. е. этнически обусловленные настроения и протесты.

Древние социальные институты и наряду с ними восходящие к доарийским временам, генетически усваивавшиеся в течение ряда тысячелетий религиозные убеждения, не совпадали с рамками ведических предписаний, проповедуемых арья-брахманами. Многообразие и дисперсность культов автохтонного населения, в ряду которых ведущую роль играло почитание богинь-матерей, отражавшее матрилинейные семейно-бытовые отношения, которые царили в обществе, не вписывались в религиозные и ритуально-поведенческие правила патриархальных институтов арьев. Это освещено в исследовательской литературе и не нуждается в повторении здесь. Но на новые дополнительные выводы наталкивает единообразное и совершенно однозначное отношение многих современных бенгальцев к тому месту, которое занимала в движении бхакти не столько классовая борьба, сколько борьба за сохранение традиционных верований и социальных институтов и протест против внедрения арья-брахманами издревле чуждых местному населению правовых регуляций.

Было интересно отметить выявившийся во многих беседах тот факт, что эти настроения передались через столетия современным бенгальцам из разных слоев населения. (Следует упомянуть, что аналогичная картина прослеживается и по всему югу Индии.)

К высоким брахманским кастам причисляются здесь три группы фамилий: Бенерджи, Чаттерджи и Мукерджи. Другие же группы жрецов — а их немало — хоть и были причислены к сословию брахманов, в течение многих веков сопротивлялись (и сейчас сопротивляются) ведическим влияниям и активно участвовали в движении бхакти под лозунгами антибрахманизма, антиведизма.

К числу поддерживающих локальные формы кришнаизма в новое время относится, например, Прабхупада, последователь Чайтаньи, член среднебрахманской (по другим сведениям, торговой) касты де, эмигрировавший в США и организовавший там секту кришнаитов («Общество сознания Кришны»), которая при финансовой поддержке американских миллионеров широко разрослась и вовлекает в свои ряды десятки тысяч представителей молодежи в США и других странах. Большую роль в их богослужебных ритуалах играют экстатические танцы и распевание имени Кришны.

Приезжающие с Запада в Калькутту «белые кришнаиты» живут здесь в обнесенном высоким забором здании за закрытыми воротами. Популярностью в среде широких масс зрителей не пользуются и встречают понимание и поддержку главным образом со стороны секты последователей Чайтаньи. Приезжие кришнаиты носят здесь, как правило, оранжевые одежды отшельников. Странное впечатление производят их мужчины — почти все крупного, плотного сложения, чем заметно выделяются (как и своей белокожестью и светловолосостью) в толпе невысоких темных бенгальцев. И в подражание ведическому обряду посвящения, они бреют головы, оставляя косицу, свисающую с макушки. Иногда присоединяются к группам местных почитателей Кришны, распевающим посвященные ему гимны («киртаны», «бхаджаны») у храмов, или во дворах, или на улицах. К ним,

как и ко всем, кто хочет присоединиться к исполнению обрядов вишнуизма, местные молящиеся относятся без предубеждения.

Услышав исполняющиеся где-либо в Индии вишнуитские (кришнаитские) гимны, можно подойти, сесть рядом на землю или на пол (женщина — к женской группе, мужчина — к мужской) и слушать или петь вместе с молящимися. Поскольку Вишну считается самым демократическим богом («богом для всех»), то и Кришна как его воплощение тоже повсеместно признан равно милостивым к каждому живому существу и прежде всего к человеку и корове.

Апрель 1980. Штат Орисса. Город Пури

Восточная граница материковой Индии. Дальше — Бенгальский залив. Синий простор в белых гривках океанской волны, до самого горизонта и за горизонт. Берег — сплошной пляж шириной около 100 м. Вдоль него цепочкой вытянулись отели и частные коттеджи со своими пляжами, запретными для посторонних (по ночам там дежурят полицейские). На пляжах отелей — туристы. Много европейцев, но есть и индийцы из числа очень богатых.

В Пури расположено всего несколько храмов, но он признается одним из «чхар-дхам» — четырех священнейших мест Индии. Главным считается храм Кришны-Джаганнатха (т. е. Кришны — Владыки Мира). Выстроен в XI—XII вв. (а по некоторым источникам — в более раннее время).

Орисса, как и Бенгал, была древним центром шиваизма-шактизма. В столице штата, г. Бхубанешваре, тысяча (по другим данным — 3—5 тыс.) храмов, посвященных Шиве-Шакти и несколько — богу Вишну в образе Кришны. Здесь прослеживается ярко выраженный процесс внедрения вишнуизма через утверждение, что Вишну и Шива являются по сути дела единым божеством, которое изображается в скульптуре и живописи в облике двуединого бога по имени Хари-Хара. Одна половина фигуры изображает Вишну (Хари) с присущими ему атрибутами — диском-чакрой на пальце (или на двух пальцах) и в высоком шлеме-короне на голове, а в другой представлен Шива (Хара) — с пучком волос на макушке, трезубцем в руке и шкурой тигра на бедрах. Этот найденный (по всей очевидности, арья-брахманами) прием освоения древних местных культов путем причисления их к арийским (почитание Вишну) привел к довольно успешному освоению вишнуизма местным доарийским населением. Но все же поклонение двуединому богу Хари-Хара не обрело многих адептов, хотя его изображения довольно часто встречаются в храмах и на домашних алтарях. Вероятно, слишком уж разительна была разница между функциями, приписываемыми древнейшему местному Шиве и принесенному арьями богу Вишну. Иконографически их удалось совместить, но в народном сознании они не совпадали, что делается совершенно ясным из уклончивых разъяснений ученых жрецов, пытающихся пролить свет на историко-религиозный процесс создания такого синтезированного божества.

Успехом увенчался прием адаптации вишнуизмом любимого доарийским населением (явно — значительной его частью) черноликого Кришны. Он в новой для себя, отведенной ему арья-брахманами роли одного из 10 воплощений Вишну, успешно соединился в религиозном сознании людей с близким им образом Шивы: оба бога темнолики, культы обоих сложились в локальной этнической среде, оба связаны с обычаями религиозного эротизма и с институтом полигамии. Но по таким своим функциональным характеристикам, как насылание кары на людей, разрушение мира и т. п., Шива отстоял дальше от всемилостивого Вишну, чем любвеобильный бог скотоводов Кришна, а поэтому именно он был избран для моделирования на землях Индии одной из ветвей вишнуизма.

Этот наш вывод уверенно подтверждается тем фактом, что храмы Шивы-Лингараджа, т. е. Шивы — Владыки Лингама, владыки мужской плодородящей силы, стали и храмами Кришны-Джаганнатха (а главным алтарным изображением божества в них предстает кришнаитская триада — Кришна, его брат Баларама и их сестра Субхадра). Таковы и упомянутый храм в г. Пури, и храмы

Рис. 7. Образец индусской архитектуры — один из храмов г. Бхубанешвара

в столице штата г. Бхубанешваре. Одновременно и главным храмовым праздником в Ориссе стал праздник поклонения Кришне-Джаганнатху, привлекающий с XII—XIII вв. многие тысячи, а затем и миллионы паломников.

Это мистериальные дни, в которые отмечается сочетание Кришны с его возлюбленной пастушкой Радхой. Для этого акта торжественные процессии вывозят из главного храма изображения всей неразрывной триады и препровождают в другой, где и оставляют на неделю. Эротическое содержание праздника воспевается в исполняемых жрецами гимнах, а также иллюстрируются местными художниками-читракарами. Они готовят к этим дням тысячи картинок на темы житийных преданий о Кришне и продают их паломникам. Картинки эти делаются на кусочках ткани, прогрунтованной несколькими слоями особых составов и покрытой затем гипсовым раствором, по которому наносится яркая роспись. Члены многочисленной касты читракаров ритуально готовятся к началу своей длительной предпраздничной работы — постятся, не сближаются с женами, поют гимны Кришне. Крайне строго должны соблюдать воздержание храмовые читракары, обновляющие или даже изготовляющие заново изображения триады в виде скульптур из дерева или росписи на ткани (особо на храмовых завесах).

Для перевозки изображений из главного храма изготовляются большие деревянные колесницы высотой до 7—8 м. Этой работой заняты также члены касты деревообделочников и скульпторов по дереву — колесницы богато украшены резными колонками, фризами и фигурами. Эти занятия передаются по наследству внутри каст. Как и читракаров, этих мастеров тоже благословляют жрецы храмов, и они тоже в период работы соблюдают в своей повседневной жизни много запретов.

В день праздника изображения помещают под богатые балдахины, и сотни паломников тянут их за канаты сквозь неисчислимые толпы верующих, перевозя к другому храму. Все это сопровождается хоровым исполнением кришнаитских гимнов и музыкой храмовых ансамблей, в которых обязательно участвует флейтист, так как на флейте, по поверью, играл Кришна.

Провоз на колесницах или пронесение в паланкинах изображений божеств в

дни их престольных праздников — это древняя традиция южноиндийских, т. е. дравидоязычных народов. Она, видимо, была усвоена арьями и привилась также на севере и западе страны, но это действие здесь не сопровождается столь массовыми праздниками и теми ритуальными действиями, которые характерны для южных и восточных областей, где население хранит древние обычаи в более полном их составе.

Привлекает внимание тот факт, что из восточного ареала распространились по стране и стали общепризнанными те изображения кришнаитской триады, которые лишь отдаленно напоминают людей, в отличие от всей огромной массы характерных для индийского искусства скульптурных и живописных изображений всех божеств (не исключая и Кришны с его братом и сестрой). Поражает воображение вид орисской триады Джаганнатха — грубо вырубленных из дерева фигур, имеющих головы одного размера с телом и не имеющих ни шеи, ни рук, ни ног. Вместо конечностей им приданы короткие обрубки — руки часто торчат вперед по сторонам головы, а ноги имеют вид (если они вообще изображаются) коротких подпорочек без ступни. Лица плоские с нависающим над глазами лбом (на нем рисуют обычно головку змеи), глаза огромные, круглые или удлиненные с небольшим зрачком посередине и без всякого выражения, носы и рты не дифференцированы. Все это наносится красками, причем Кришна всегда черный, Баларама белый, а Субхадра желтая (эти канонические цвета неизменны на всех изображениях триады).

Задаваясь вопросом о значении таких почти неантропоморфных форм этих персонажей, приходишь только к одному возможному ответу — это изображения змей, а точнее — кобр (нагов), черной («царской» кобры), белой (светло-серой) и желтой (желтовато-коричневой). Именно восточные области страны издревле известны как места культового поклонения кобрам. Здесь эти культы были еще в расцвете в эпоху раннего буддизма, и один из местных известнейших центров этого учения, Бодж Гайя, прославлен в традиции и как центр культа кобр. В соседнем с Ориссой штате Бихар был расположен и древний буддийский университет, который, как и местные святилища буддизма, известен под названием Нагарджунаконда. Это название дано городу по имени одного из приравненных к боддисаттвам проповедников буддизма — Нагарджуны, а оно, в свою очередь, восходит к мифическому сюжету из Махабхараты о женитьбе Арджуны (среднего из братьев Пандавов, светлых героев эпоса) на имеющей человеческий облик царевне кобр — нагов.

Восточные земли Гангской равнины, современного штата Мадзья Прадеш и соседней Ориссы были территорией зарождения не только таких религиозных учений, как джайнизм и буддизм, но и складывания и окончательного утверждения ряда арьянеарийских культов индуизма, включая упомянутый выше синтез шиваизма и вишнуизма — кришнаизма, а также вишнуизма и культа кобр. Иконографический облик кришнаитской триады соответствует эпико-мифологическим описаниям кобр-нагов (народа подземного мира), которые имели на своих «капюшонах» человеческие лица, а тела их не имели членов человеческого тела. В мифах говорится, что они произошли от брака одного из мудрецов — авторов ведических гимнов Кашьяпы (его описывают и как самого бога Вишну) и «всезмеиной матери» по имени Кадру, поклонение которой могло войти в индуизм только в процессе освоения арьями местных культов.

Соединяя все эти сведения, разбросанные в памятниках древней литературы и в устных преданиях, с которыми удалось познакомиться в Ориссе, приходишь к единственно возможному выводу об отражении в местной иконографической кришнаитской традиции культа кобр, который явно зародился раньше становления локальных религиозных систем.

На встрече с преподавателями университета в Бхубанешваре довелось услышать легенду, которая встречается и в литературе об индуизме. Странные формы фигур кришнаитской триады легенда объясняет тем, что некогда к берегам Ориссы был принесен волнами кусок черного дерева (вариант: черного камня), и

местный раджа попросил одного брахмана (вариант: бога ремесел Вишвакармана) изготовить изображения триады. Мастер согласился при условии, что до окончания работы никто не увидит священных фигур, но любопытная жена раджи взглянула на них, и мастер тут же исчез бесследно, оставив недоработанные изделия.

В личных беседах приходилось неоднократно убеждаться, что почти все верят именно в такую причину появления на свет этих странных изображений, не пытаясь сопоставить их с традиционными приемами искусства индийских скульпторов, издревле умевших красиво и верно изображать своих богов в образе людей. Так что здесь предлагаем на суд читателей вышеизложенную догадку, надеясь, что она будет принята как возможное объяснение странных форм указанных изображений, часто определяемых собирательным именем «Джаганнатх».

This Multifarious India

Impressions gained during the author's trip to the eastern Indian states of Bengal and Orissa: Kalkutta streets, Kali temple with its ritual sacrifices, and Bankur clay sculptures are described in the essay. The author tells us about Bengali village houses with «double» roof, her conversations with temple priests on specific local cults of Krishna and Mother—Goddess, on temple architecture and folk art.

The author analyses the absorbtion of pre-Aryan cults of Shiva and Krishna in Vishnuism, the reasons of Krishnaism dissemination throughout India and other countries; she attemps to relate the ancient snake-cult(cult of cobra) with snake-like depictions of Krishna-Jagannatha.

N. R. Guseva